

Информация для цитирования:

Закарян Л. С. Потребление пива в Армении в годы новой экономической политики (1921—1928 годы) / Л. С. Закарян, Г. Х. Казарян, А. К. Сукиасян // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 398—418. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-398-418.

Zakaryan, L. S., Ghazaryan, G. K., Sukiasyan, H. K. (2026). Beer Consumption in Armenia during New Economic Policy Era (1921—1928). *Nauchnyi dialog*, 15 (3): 398-418. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-398-418. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Потребление пива в Армении в годы новой экономической политики (1921—1928 годы)

Закарян Лилит Сашаевна
orcid.org/0009-0005-4497-5410
кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник,
корреспондирующий автор
lilit_zakaryan@mail.ru

Казарян Гаяне Хачиковна
orcid.org/0009-0001-6403-140X
кандидат исторических наук,
младший научный сотрудник
gayane.ghazaryan.1992@mail.ru

Сукиасян Амо Каренович
orcid.org/0009-0009-3062-2285
кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник
hamosukiasyan@gmail.com

Институт истории Национальной академии наук Республики Армения (Ереван, Республика Армения)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по высшему образованию и науке МОНКС РА, проект № 25RG-6A104

Beer Consumption in Armenia during New Economic Policy Era (1921—1928)

Lilit S. Zakaryan
orcid.org/0009-0005-4497-5410
PhD in History, Associate Professor,
senior research scientist,
corresponding author
lilit_zakaryan@mail.ru

Gayane Kh. Ghazaryan
orcid.org/0009-0001-6403-140X
PhD in History, junior research scientist,
gayane.ghazaryan.1992@mail.ru

Hamo K. Sukiasyan
orcid.org/0009-0009-3062-2285
PhD in History, Associate Professor,
senior research scientist
hamosukiasyan@gmail.com

Institute of History of the National Academy of Sciences of Armenia (Yerevan, Republic of Armenia)

Acknowledgments:

The study was carried out with financial support supported by the Committee on Higher Education and Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Armenia, Project № 25RG-6A104

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются культура и практики потребления пива в Советской Армении периода новой экономической политики (нэп) (1921—1928). Междисциплинарное исследование направлено на выявление социокультурных изменений раннесоветского общества. В качестве источников использованы архивные документы, законодательные акты СССР, ЗСФСР и Советской Армении, научные исследования, материалы периодической печати и литературные тексты. Многие данные вводятся в научный оборот впервые. Проанализированы культурные практики потребления пива и их отражение в публичном дискурсе. Показано, что пиво становилось элементом новой культуры потребления, находившейся на пересечении традиционного и модернизирующегося уклада. Выявлено, что пивная повседневность отражала противоречия между нэповской моделью быта и идеологией. Установлено, что популяризация пива сопровождалась столкновением представлений о «старом», преимущественно восточном, и «новом», советски-урбанизованном быте. Подчеркивается, что формирование пивной культуры происходило в русле общесоветских тенденций, сходных с российским опытом нэпа, где пиво осмыслялось как символ модернизированного досуга рабочего класса. Тема статьи не изучена в армянской историографии. Актуальность исследования обусловлена возможностью альтернативного подхода к оценке повседневности нэповского периода.

Ключевые слова:

потребление пива; пивные заведения; анти-алкогольная политика; пивоваренная промышленность; нэп; городской досуг.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines beer consumption culture and practices in Soviet Armenia during the period of the New Economic Policy (NEP) from 1921 to 1928. An interdisciplinary study aims at uncovering socio-cultural transformations within early Soviet society. The sources include archival documents, legislative acts of the USSR, Transcaucasian Federation, and Soviet Armenia, scholarly research, materials from contemporary press, and literary texts. Many data are introduced into academic discourse for the first time. Cultural practices associated with beer consumption and their representation in public discourse have been analyzed. It is demonstrated that beer became an element of a new consumer culture situated between traditional customs and modernizing lifestyles. The everyday life of brewing establishments reflected tensions between NEP-influenced living standards and ideological norms. The study reveals how the popularization of beer was accompanied by conflicts between representations of “old,” predominantly Eastern, and “new,” urbanized Soviet ways of life. Emphasis is placed on the fact that the formation of beer-drinking culture followed general trends across the Soviet Union similar to those observed in Russia under the NEP era, where beer was conceptualized as a symbol of industrial leisure among workers. The topic has not previously been addressed in Armenian historiography. The relevance of this research lies in its potential to offer alternative perspectives on evaluating daily life during the NEP period.

Key words:

beer consumption; taverns; anti-alcohol policy; brewing industry; NEP; urban recreation.

УДК 94(479.25)“1921/1928”

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-398-418

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история

Потребление пива в Армении в годы новой экономической политики (1921—1928 годы)

© Закарян Л. С., Казарян Г. Х., Сукиасян А. К., 2026

1. Введение = Introduction

Период новой экономической политики (нэп) в Советской Армении стал временем глубоких социальных и культурных преобразований. В условиях частичной экономической либерализации и восстановления хозяйственной активности происходили заметные изменения в структуре повседневности, формах досуга и привычках потребления.

Одним из показательных аспектов этих процессов являлось отношение к алкоголю. Алкоголь, издавна занимавший значимое место в армянской культуре, в 1920-е годы оказался в центре противоречивых тенденций: с одной стороны, он осуждался как «пережиток старого быта» и «остаток буржуазного прошлого», с другой — сохранял важное место в социальной коммуникации и выступал источником дохода для государства. Особенно ярко это противоречие проявилось в отношении к пиву, которое вначале рассматривалось как «безопасный» напиток, соответствующий образу «нового советского человека» и заменяющий традиционные крепкие спиртные изделия.

Культура потребления пива, формировавшаяся в Ереване и Ленинакане, отражала как процессы восстановления пищевой промышленности, так и эволюцию городского досуга. В начале 1920-х годов в прессе периодически представлялась информация о развитии пивоваренной промышленности, организовывались экскурсии на эти заводы. Однако к концу десятилетия была разработана и начала внедряться антиалкогольная политика, которая приобрела черты масштабной дисциплинарной кампании. Власти стремились не только ограничить потребление алкоголя, но и переопределить саму культуру отдыха, подчиняя её идеологическим нормам советского быта.

В российской историографии тема повседневных алкогольных практик рассматривалась в контексте российской истории нэпа. Анализ историографии показывает, что в исследованиях, посвящённых Армении пери-

ода новой экономической политики, потребление пива как самостоятельный объект изучения не рассматривалось. Основное внимание уделялось экономическим аспектам этого периода.

Актуальность данного исследования определяется потребностью в новом взгляде на советскую повседневность нэповского времени. Новизна работы заключается во введении в научный оборот архивных материалов и в междисциплинарном подходе, сочетающем исторический, культурологический и этнографический методы.

Настоящее исследование ставит своей целью показать, как в Советской Армении периода нэпа «пивная повседневность» вбирала в себя как личные практики, так и идеологические установки и экономические интересы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Настоящее исследование основано на междисциплинарном подходе, объединяющем методы социальной истории, культурологического и этнографического анализа. Такой подход позволяет рассматривать потребление пива не только в хозяйственно-экономическом измерении, но прежде всего как социально-культурную практику, формирующуюся на пересечении государственной политики, идеологических установок, бытовых привычек и форм городского досуга.

Источниковую базу исследования составляют архивные документы, нормативно-правовые акты СССР, Закавказской СФСР и Советской Армении, материалы периодической печати 1920-х годов, а также художественные произведения.

Поскольку в период нэпа потребление пива было наиболее распространено в городах Ленинакан и Ереван, особую ценность представляют материалы фондов соответствующих уездных исполнительных комитетов, хранящиеся в Национальном архиве Армении [НАА, ф. 131; ф. 133]. Эти документы вводятся в научный оборот впервые. Они позволяют реконструировать условия и формы потребления пива в городской среде, а также систему государственного регулирования, направленную на контроль мест и времени реализации, формирование нормативных представлений о допустимом поведении и применение санкций за пьянство и асоциальные практики. Законодательство Советской Армении рассматривается как локализованная версия общесоюзного нормативного поля, адаптированная к социально-экономическим и культурным особенностям республики.

Методологически работа опирается также на элементы контент-анализа периодической печати и художественной литературы, а также на историко-сравнительный анализ, позволяющий сопоставить армянский материал с общесоюзным, прежде всего российским, контекстом нэпа.

Важным источником являются материалы периодической печати Советской Армении 1920-х годов, отражающие практики потребления пива, формы городского досуга и публичные оценки пьянства. Наибольший интерес представляют публикации в ленинканской газете «Банвор» и ереванских изданиях «Авангард» и «Советская Армения», позволяющие проследить официальную позицию властей, динамику общественных настроений и способы формирования представлений о социально приемлемом поведении в городской среде.

Существенным дополнением к официальным и публицистическим источникам служат художественные произведения армянских писателей 1920-х годов [Зорян, 1924; Радио, 1927; Григорян, 1927; Маари, 1962; Маари, 2004; Маари, 2009; Маари, 2016а; Маари, 2016б]. Литературные тексты рассматриваются как форма символического осмысления социальных процессов, передающая язык эпохи, эмоциональные реакции и моральные ориентиры, а их анализ позволяет выявить устойчивые образы и модели допустимого поведения, а также механизмы культурного и идеологического контроля.

Проблематика потребления алкоголя в годы нэпа получила достаточно широкое освещение в современной российской историографии. Основное внимание исследователей сосредоточено на крепких алкогольных напитках, прежде всего водке и самогонварении, в контексте антиалкогольной политики, социальной дисциплины и экономических последствий запретительных мер [Такала, 2007; Данихно, 2006; Камардин, 2011; Панин, 2009; Сидорчук, 2025; Ильин, 2012; Котельников, 2016]. В ряде работ подчёркиваются укоренённость алкогольных практик в повседневной культуре и ограниченная эффективность административных методов регулирования, а также связь антиалкогольной политики с развитием теневой экономики и фискальными интересами государства [Комплеева, 2012].

Социальные и культурные аспекты пьянства рассматриваются также в исследованиях, посвящённых рабочему быту и городской культуре, где отмечается расширение круга потребителей и включённость алкогольных практик в повседневные и трудовые ритмы [Гатауллиная, 2008; Орлов, 2024; Бочаров и др., 2025]. На этом фоне пиво длительное время оставалось на периферии научного интереса. В отдельных работах подчёркивается его особый статус как слабого алкоголя, рассматриваемого властью в качестве допустимой альтернативы крепким напиткам, а также анализируются пивные заведения как пространства городского досуга и неформального общения [Замостьянов, 2015; Кравцова, 2018; Шевченко и др., 2023; Петюкевич, 2024; Андреевский, 2008].

В исследованиях по истории Советской Армении небольшое внимание уделялось пивоварению как отрасли пищевой промышленности и из-

менениям уровня жизни в годы нэпа [Воскерчян, 1966; Казахецян, 2006], а также трансформациям городской культуры и традиционного быта [Базеян и др., 2015; Нагапетян, 2019]. При этом практики потребления пива, их социальные значения и место в системе городской коммуникации и досуга не становились специальным предметом анализа.

Таким образом, несмотря на обширную литературу по истории алкоголя, городской культуры и социальной политики нэпа, тема потребления пива в Советской Армении еще не выступала предметом отдельного научного анализа. Настоящая статья направлена на восполнение данного пробела на основе комплексного анализа архивных, нормативных, публицистических и литературных источников.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Алкогольная реальность нэпа. Пиво как «безопасный» алкогольный напиток

Введение ограничений на продажу алкоголя в Российской империи в 1914 году нанесло серьёзный удар по отрасли. После Октябрьской революции и в годы «военного коммунизма» запрет сохранялся. Перелом наступил лишь в 1921 году, когда переход к новой экономической политике позволил частично легализовать торговлю спиртным. Продажа алкоголя могла обеспечить значительные поступления в бюджет молодой советской республики, находившейся в экономической блокаде и нуждавшейся в доходах для социалистического строительства, тем более что употребление спиртного оставалось неотъемлемой частью народной культуры и «культурно-антропологического процесса» [Жамардин, 2011, с. 26]. К тому же, несмотря на запрет, производство алкоголя в годы «диктатуры трезвости» [Такала, 2007, с. 55] не прекратилось — оно ушло в тень. «Ножницы цен» между промышленными и сельскохозяйственными товарами делали для крестьян выгодным использование зерна для самогона. Самодельная водка служила средством досуга и обмена, но не приносила дохода государству [Комплеева, 2012, с. 722]. Для большевиков, связывавших пьянство с «наследием старого режима», отмена запрета требовала идеологического оправдания.

В начале 1920-х партийное руководство обсуждало, как совместить борьбу с алкоголизмом и бюджетные интересы. Сталин объяснял продажу спиртного как «наименьшее из зол»: отказ от водки не избавит от самогонарения, а только приведёт к «самоотравлению» населения [Сталин, 1949, с. 232]. Лев Троцкий, выступив 12 июля 1923 года в «Правде», также отмечал, что пьянство препятствует культурному развитию рабочего класса, но признал торговлю алкоголем необходимым источником доходов [Троцкий, 1923, с. 2].

В 1921 году декретом СНК была разрешена продажа населению виноградных и плодово-ягодных вин крепостью до 14°. В 1922—1923 годах была проведена первая государственная кампания по развитию пивоварения, однако одновременно повысились акцизы на спирт и пиво [Такала, 2007, с. 63]. 28 августа 1925 года ЦИК и Совнарком СССР разрешили продажу алкогольных напитков, установив государственную монополию на производство и реализацию [Собрание ..., 1925, с. 795—797].

Отмена «сухого закона» вызвала рост бытового пьянства: застолье стало частью как праздничных, так и повседневных практик. В рабочей среде ежедневное употребление алкоголя воспринималось как обычное явление [Камардин, 2011, с. 27; Данихно, 2006, с. 59—60; Сидорчук, 2025, с. 39; Панин, 2009, с. 121]. В деревне, где ранее пьянство не было широко распространено, оно усилилось под влиянием демобилизованных солдат и городских рабочих. Современники отмечали, что к спиртному приобщались даже дети [Орлов, 2024, с. 240]. Пристрастие к алкоголю принимало угрожающие масштабы, превращаясь в «эпидемию поголовного пьянства» [Ильин, 2012, с. 47—48].

На этом фоне пиво стало рассматриваться как «наиболее безопасный» алкогольный напиток [Петюкевич, 2024, с. 377—378]. Такие попытки предпринимались и ранее, еще в период принятия «сухого закона», представляя пиво как безвредный напиток, противопоставленный водке и крепким спиртным [Шевченко и др., 2023, с. 527]. В условиях ориентации на западноевропейские традиции, особенно немецкие, где пивные были пространством рабочих дискуссий, советская власть воспринимала пиво как «цивилизованный» напиток, соответствующий образу культурного рабочего. В первые годы в пивных и трактирах иногда можно было увидеть портреты Маркса, Энгельса и Ленина [Замостьянов, 2015, с. 9].

В периодической печати появлялись рекламные объявления и корреспонденции из пивоваренных цехов, рассказы о жизни пивных. К рекламе пива привлекались известные писатели и художники, например, Маяковский и Родченко [Кравцова, 2018, с. 431]. Пивная воспринималась как мужское пространство общения, где, в отличие от рабочих столовых, царил атмосфера неформальности. Государство модернизировало пивоваренные заводы, контролировало производство и продажи, стремясь вписать сферу пивного потребления в регулируемую систему социалистической экономики и культуры. Примером удачной модернизации производства являлся Самарский пивной завод, арендаторы которого смогли возродить производство «Жигулевского» пива [Котельников, 2016, с. 25].

Аналогичные процессы происходили и в советизированной в декабре 1920 года Армении. Короткий опыт «военного коммунизма», вызвавший

антибольшевистское восстание в феврале 1921 года, заставил власть перейти к более мягкой политике. С введением нэпа в мае 1921 года началось оживление хозяйственной жизни, развитие частного предпринимательства способствовало росту благосостояния населения [Казахецян, 2006, с. 218—222]. Активизация коснулась и производства алкогольных напитков.

Как и в других регионах СССР, в Армении алкоголь выполнял социальные функции — был средством досуга, общения, «веселья». Широко употреблялись вино и самогон, перегоняемый из фруктов и ягод. Пиво, известное в Армении с древности, в конце XIX века получило распространение прежде всего в Александрополе (позднее Ленинакане), где открылись пивные заведения. Старшее поколение относилось к ним настороженно, считая их «сбивающими молодёжь с пути» и насаждающими пьянство [Базеян и др., 2015, с. 81; Нагапетян, 2019, с. 196].

В годы нэпа (1921—1929) началась национализация и возобновление работы пивоваренных предприятий, существовавших до советизации Армении. Из трёх пивоваренных заводов возобновили работу лишь два, и то не в полную мощность [Воскерчян, 1966, с. 134]. В июне 1923 года заработал завод в Александрополе, а в июле 1924 года — Ереванский пивоваренный завод. Эти города стали центрами пивоварения Советской Армении.

3.2. Пиво как элемент городской повседневности в период нэпа

В городах пивные и павильоны становились не только местами продажи напитков, но и пространствами досуга и общения. Здесь обсуждали новости, рабочие вопросы и политические события, но нередко рядом с ними было небезопасно пройти, поскольку вокруг таких мест собирался «хулиганствующий элемент» [Бочаров и др., 2025, с. 92].

В первые годы нэпа в Армении пиво оставалось дорогим напитком: высокий акциз делал его недоступным для большинства населения. Тем не менее рабочие стремились позволить себе кружку пива хотя бы в «зарплатные дни», превращавшиеся в небольшие коллективные праздники. Несмотря на обязательные отчисления в профсоюзы, комсомол, МОПР и подписку на прессу, рабочие находили возможность собраться в пивных и пообщаться [Радио, 1927, с. 3]. Пиво подавалось в пивных, ресторанах, клубах и летних павильонах, а также в киосках и буфетах. Особенно популярным оно было в Ереване и Ленинакане.

Столица Советской Армении представляла собой сплав восточного и западного укладов, где пиво становилось частью новой городской культуры. Старый быт сохранялся в чайханах на берегах Гетара, в Конде и на Базаре, где звучали нарды и журчали арыки. Новый же проявлялся в рабочих клубах, столовых, бильярдных, светлых зданиях и новых формах досуга —

игре в шашки и шахматы [Григорян, 1927, с. 3]. На ереванском Бульваре действовала частная пивная «Нагасаки» — небольшое, но популярное заведение, где по вечерам зажигались «неяркие электрические огни». Оно славилось своим ленинканским «Бархатным» пивом. В пивной подавали только пиво и фисташки; рядом на Бульваре работал павильон, где продавали кофе и пиво [Маари, 1962, с. 456; Маари, 2016б, с. 229, 361, 542]. Существование подобных заведений отражало относительную свободу экономических инициатив периода нэпа, когда частные предприятия сосуществовали с государственными, создавая новые места для общения и отдыха. Недалеко находился квартал Гантар — базарная площадь, где можно было отведать ванский *жажик* и ереванский *тжвжик* — популярные мясные блюда армянской кухни. На берегу Раздана было заведение, где пиво охлаждали прямо в реке. В буфете у железнодорожного вокзала пиво спасало пассажиров от летней жары, а в кафе на улице Абовяна формировалась новая культура городского досуга. Однако обстановка в большинстве пивных точек оставалась далека от идеальной: там почти всегда царил шум, толконья, слышались ругательства и нередко происходили драки [Маари, 1962, с. 153; Маари, 2016а, с. 133—134; Маари, 2016б, с. 214, 226—227].

Ленинкан к тому времени превращался в промышленный город. Здесь действовали несколько первоклассных кафе и пивных. Писатель описывал город так: «В Ленинкане есть множество прекрасных мест, которых нет даже в Ереване... имеется пивоваренный завод, пиво которого, как отличное и известное, вывозится в Тифлис, Ереван и другие города» [Зорян, 1924, с. 3].

Предприниматели, пользуясь частичной свободой нэпа, прибегали к разным приёмам для увеличения продаж. В России тех лет на стенах некоторых пивных можно было увидеть рекламную надпись: «Пейте пиво, господа — пиво лучше, чем вода» [Андреевский, 2008, с. 375]. Похожие тенденции наблюдались и в Армении. Один владелец в Ленинкане назвал свою точку продажи пива «Рабочий уголок» [Демджян, 1924, с. 3], стремясь придать заведению «социально одобряемый» облик.

В рабочих клубах, чтобы привлечь посетителей, устанавливали нарды, шахматы, а чаще — бильярд. Формально клубы предназначались для культурно-политического воспитания рабочих, но часто превращались в места отдыха. Пресса иронизировала, что читальные залы в них «обречены оставаться закрытыми» [Анкез, 1928, с. 2]. В некоторых клубах подавали пиво, и они становились частью общей досуговой среды.

Газеты критиковали засилье частников, отмечая, что рабочие «оставляют свою зарплату в их заведениях», и предлагали открывать при фабри-

ках «красные столовые». В таких столовых продавалось и пиво: например, с 13 июля 1924 года в заведении при Первом советском доме местного хозяйства Ленинакана [Советская столовая ..., 1924, с. 4]. Однако качество этих заведений было неоднородным: рядом с опрятными встречались тёмные и грязные помещения, вызывавшие недовольство посетителей и местных властей [Орбелян, 2018, с. 110]. Кооперативные магазины также подвергались критике: вместо хлеба и круп в них часто продавали пиво и табак — товары, приносящие прибыль [Л., 1928, с. 4].

В частных столовых нередко играли струнные оркестры, создавая атмосферу городского уюта. Зажиточные посетители заказывали бифштексы и шашлык, запивая их пивом. Кооперативные столовые, напротив, отличались бедным ассортиментом и низкой культурой обслуживания. Продукты здесь продавались по сравнительно высоким ценам: кружка пива стоила дороже, порции обедов были небольшими, а ассортимент — ограниченным [Как нас кормят ..., 1929, с. 2; Сарян, 1928, с. 7].

Рост спроса на пиво вызывал повышение цен. Для стабилизации ситуации 29 декабря 1926 года управляющий ленинканским трестом «Арапат» установил фиксированные расценки: ведро «столового» — 4 р. 50 к., «Экспорт» — 5 р., «Пльзенского» — 5 р. 50 к., «Бархатного» — 6 р. [НАА, ф. 131, оп. 3, д. 687, л. 21]. Постановлением от 10 июля 1928 года были определены предельные цены: бутылка «Баварского» — 28 к., «Экспорта» — 30 к., лимонада — 10 к. Нарушителей ожидала судебная ответственность, но магазины нередко продавали пиво дороже — по 35—45 копеек [Ваге, 1928, с. 4].

Ленинканское пиво пользовалось спросом не только в республике, оно поставлялось в Тифлис, Баку, Гянджу, Ахалкалаки, Нахичевань и другие города Закавказья. Однако завод не всегда справлялся с растущим спросом: не хватало средств и кадров, заказы выполнялись за счёт сверхурочной работы [НАА, ф. 131, оп. 3, д. 687, л. 16—17; д. 718, л. 149, 156—157].

К Армении вполне применимы выводы одного из российских исследователей о широком распространении пива: «В пивных мужчины согрели свои души, отдыхали от неудобств цехов, коммунальных квартир и общежитий, от грубости начальства и сварливости жён, от крика упрямых и ненасытных детей». Здесь душевное напряжение спало, и становилось возможным выдержать ещё один беспокойный день, однообразную жизнь — с надеждой на то, что вечером они снова окажутся в кругу «пивного братства» [Андреевский, 2008, с. 372].

Таким образом, в годы нэпа пиво стало неотъемлемой частью повседневной жизни городов Армении. Среди молодёжи оно воспринималось как признак современности и прогрессивности.

3.3. Государственная политика регулирования питьевого поведения и борьбы с пьянством

В годы нэпа потребление алкоголя в СССР достигло значительных масштабов, что с 1923 года вызвало необходимость систематической борьбы с пьянством различными методами. Активизация пивного рынка рассматривалась как одна из стратегий этой борьбы, однако она не принесла ожидаемых результатов. Кампания велась через ценовую политику, моральное осуждение, деятельность товарищеских судов и иные формы общественного контроля, но её неудачи объяснялись внутренней противоречивостью. В отношении пива наблюдалась двойственность: с одной стороны, пресса отмечала рост производства и продаж, с другой — осуждала пьянство. Алкоголизм рассматривался как «пережиток старого быта» — наряду с жертвоприношениями, паломничеством и суевериями [Акопян, 1929, с. 7; Жизнь в ..., 1930, с. 16—17].

В 1924 году городские власти Еревана и Ленинакана приняли постановления, ограничивавшие время продажи спиртных напитков и работу заведений. В Ереване подвалы, где продавали алкоголь, могли работать с 8:00 до 16:30, а клубные и кооперативные столовые — с 5:00 до 1:00 ночи [НАА, ф. 133, оп. 1, д. 2107, л. 66]. В Ленинакане рестораны, где реализовывалось спиртное, открывались с 10:00 до 24:00, чайные без алкоголя — с 6:00 до 22:00 [О открытии ..., 1924, с. 4].

Несмотря на значительное потребление спиртного, в Армении не наблюдалось массового алкоголизма. Газета «Банвор» писала: «Вряд ли кто-либо станет отрицать сравнительную трезвость Армении» [Статистик, 1927, с. 2]. Борьба с алкоголизмом в Армении являлась, скорее, данью общесоюзной кампании. За пьянство рабочих могли исключить из комсомола, поскольку «сынам Вакха» не было места в нем, или наложить штраф. Комсомольская ячейка села Кулиджан, например, штрафовала пьяниц на 30 фунтов пшеницы «в поддержку германского пролетариата» [Налбандян, 1923, с. 4; Что ..., 1924, с. 4].

Официальная пропаганда связывала пьянство с «пережитками царизма» и политикой дашнаков (Армянской революционной федерации, руководившей Республикой Армения в 1918—1920 годах), а в годы нэпа — с частным предпринимательством. Решением считалось просвещение населения, организация культурного досуга. Рабочие клубы и читальни должны были формировать «новый быт», противопоставленный царским трактирам, где рабочих, с юных лет пребывавших «в невежестве и мраке», «приучали к вину и водке» [Укрепим ..., 1923, с. 4].

В печати активно пропагандировался отказ от алкоголя: подчеркивалось, что рабочие «растрачивают заработанное горьким потом» на напи-

ток, губящий их физически и морально. Газета «Банвор» описывала, как до революции рабочие станции Санаин «шли в питейные за мостом», тогда как при советской власти на их месте появились библиотеки и читальни. Однако на деле пьянство сохранялось: рабочие станции продолжали покупать алкоголь у кооперативов и «спекулянтов-кулаков» [Тотолян, 1924, с. 3; Мнацаканян, 1924, с. 3].

Постепенно формировался особый дискурс контроля — над поведением, речью и эмоциями. Особенно это касалось интеллигенции и поэтов, в чьих произведениях алкоголь нередко выражал радость жизни или духовный кризис. С точки зрения идеологии такие мотивы считались неприемлемыми. «Нэповское пиво» воспринималось как символ вольнодумства и западных влияний. Так, стихотворение Гургена Маари «Гюмри» (1924) вызвало обвинения в «босячестве» и «интеллигентщине»:

Я пришёл забрать твоё сердце — с бокалом пива,

Свою песню в твою вплести — с бокалом пива.

О, ты, город открытый, пьяный, весёлый, пыльный, голодный,

Выпей за моё возвращение — с бокалом пива [Маари, 2004, с. 13].

Его поэтика переключалась с короткими куплетами российской городской среды:

Ленинград — город большой,

В каждом доме — по пивной...

«Красная Бавария» —

Всё для пролетария [Андреевский, с. 373].

Маари был исключён из Союза пролетарских писателей Армении, поскольку членом организации мог быть лишь тот, кто «стоит на позициях пролетарской литературы». От писателя ожидалось отражение «строительства социализма», а не воспевание пива и праздности [Маари, 2009, с. 587, 791, 796—797]. Этот случай стал показателем давления на литературу: в дальнейшем свободные и ироничные интонации уступили место идеологически выдержанной поэтике.

Одновременно власти пытались повышать санитарно-гигиеническую грамотность населения. В прессе разъяснялось, что существуют напитки с высокой концентрацией «алкогольного яда» (водка, коньяк) и менее вредные (вино, пиво), однако рекомендовалось воздерживаться и от них. Газета «Ашхатанк» связывала пивные с распространением туберкулёза: «Те, кто предпочитает трактиры и пивные клубам и читальням, распространяют болезнь вокруг себя» [Белорусский, 1925, с. 17]. Особое внимание уделялось воспитанию детей: в стихотворении от лица ребёнка звучал призыв: «Не давай мне вино, пиво, водку, коньяк и кофе — я хочу быть здоровым» [Если бы я умел говорить ..., 1924, с. 34].

К концу нэпа в армянской прессе всё чаще публиковались сообщения о борьбе с пьянством в России, где закрывались пивные и винные заведения [Организуем ..., 1929, с. 4; Пролетариат ..., 1928, с. 1]. Центральный исполнительный комитет Закавказской Федерации 11 января 1928 года принял постановление об усилении борьбы с самогонварением: за изготовление и продажу самогона устанавливался штраф до 500 рублей [Собрание ..., 1928, с. 34—35]. 15 марта 1930 года было запрещено продавать крепкие напитки в железнодорожных буфетах и магазинах, допуская лишь вина и пиво крепостью до 14° [Собрание ..., 1930, с. 182].

Таким образом, антиалкогольная политика, проводившаяся в СССР, в завершающий период нэпа получила конкретные формы и в Советской Армении, сочетая общесоюзные установки с местными проявлениями.

4. Заключение = Conclusions

Политика советской власти в отношении алкоголя в годы новой экономической политики носила противоречивый характер, сочетая идеологическое неприятие пьянства с прагматическими экономическими интересами государства. Отмена «сухого закона» и восстановление государственной монополии на производство и продажу спиртных напитков были продиктованы прежде всего бюджетными соображениями и стремлением вывести алкогольное производство из теневого сектора. В этих условиях пиво рассматривалось как менее вредный напиток и в определённой степени легитимировалось государством. В Советской Армении это отражалось как в восстановлении дореволюционных пивоваренных предприятий, так и в функционировании сети пивных заведений, сконцентрированных главным образом в Ленинакане и Ереване. Пивные заведения в городах Советской Армении выполняли не только экономическую, но и социальную функцию. Они становились пространствами общения, отдыха после рабочего дня и неформальной социализации, прежде всего в среде рабочих и служащих. Подобные формы досуга отражали влияние нэповской либерализации. Пивные, кафе, клубы и столовые выступали пространствами, где пересекались различные социальные группы — рабочие, служащие, ремесленники, мелкие предприниматели, — а само потребление пива приобрело значение ритуала коллективного отдыха, особенно в «зарплатные дни».

Потребление пива отражало противоречивый характер нэповской модернизации. С одной стороны, пиво воспринималось как «цивилизованный» и сравнительно мягкий напиток, ассоциированный с городским образом жизни и европейскими пролетарскими практиками досуга. С другой стороны, повседневная реальность пивных вызывала критику со стороны прессы и властей. Пьянство и связанные с ним формы городского досуга

воспринимались как угроза формированию «нового человека». В Советской Армении отсутствие массового алкоголизма делало антиалкогольные меры менее жёсткими, однако не отменяло стремления власти к нормативному регулированию повседневного поведения.

Особое значение имел культурный аспект контроля над пивной повседневностью. Упоминания пива, пивных и связанных с ними образов в литературе и публицистике становились объектом критики как проявления нэповской вольности и «чуждых» быту советского человека форм поведения. Ограничения времени торговли, дисциплинарные меры в отношении рабочих и комсомольцев, а также пропаганда трезвости служили прежде всего инструментами морального и социального контроля.

В целом пивная повседневность в Советской Армении 1920-х годов выступает показателем границ допустимого в советском обществе периода нэпа. Она отражает напряжённое сосуществование элементов экономической свободы и усиливающегося идеологического контроля, характерное для конца 1920-х годов. Исследование данной темы позволяет по-новому осмыслить повседневную историю Советской Армении, дополнив представления о социальной структуре, культуре досуга и механизмах советской регуляции быта в период перехода от нэповской модели к более жёсткой системе управления.

<p>Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.</p> <p>Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.</p>	<p>Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.</p> <p>The authors declare no conflicts of interests.</p>
--	--

Источники и принятые сокращения

1. *Акопян А.* Против алкоголизма и религии / А. Акопян // Анаствац (Безбожник) : [журнал]. — 1929. — № 10. — С. 7—9. (На арм. яз.). [*Հակոբյան Ա. Ավրոհոյիզմի և կրոնի դեմ / Ա. Հակոբյան // Անաստված : [ամսագիր]. — 1929. — № 10. — էջ 7—9.*]
2. *Анкез Н.* Клуб / Н. Анкез // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1928. — № 50. — С. 3. (На арм. яз.). [*Անկեզ Ն. Ակումբը / Ն. Անկեզ // Բանվոր : [թերթ]. — 1928. — № 50. — էջ 3].*]
3. *Белорусский Я.* Туберкулёз и методы борьбы с ним / Я. Белорусский // Ашхатанк (Труд) : [газета]. — 1925. — № 12—13. — С. 8—20. (На арм. яз.). [*Բելորուսկի Յու. Տուբերկուլոզը և նրա դեմ պայքարելու միջոցները / Յու. Բելորուսկի // Աշխատանք : [թերթ]. — 1925. — № 12—13. — էջ 8—20.*]
4. *Vage.* Обязательное постановление не применяется / Vage // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1928. — № 81. — С. 4. (На арм. яз.). [*Վահե. Պարտադիր որոշումը չի կիրառվում / Վահե // Բանվոր : [թերթ]. — 1928. — № 81. — էջ 4.*]
5. *Григорян А.* Красный квадрат / А. Григорян // Авангард : [газета]. — 1927. — № 3. — С. 3. (На арм. яз.). [*Գրիգորյան Ա. Կարմիր քառակուսին / Ա. Գրիգորյան // Ավանգարդ : [թերթ]. — 1927. — № 3. — էջ 3.*]

6. *Демдэжян Г.* Несколько слов о «Рабочем уголке», где продаётся пиво / Г. Демдэжян // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1924. — № 187. — С. 3. (На арм. яз.) [*Դեմդեժյան Հ. Մի քանի խոսք «Բանվորական անկյան» մասին, որտեղ ծախվում է զարեչուր / Հ. Դեմդեժյան // Բանվոր : [թերթ]. — 1924. — № 187. — էջ 3].*

7. *Если бы я умел говорить, я бы сказал ...* // Айастані ашхатаворуи (Работница Армени) : [журнал]. — 1924. — № 1. — С. 34. (На арм. яз.) [Եթե ես խոսել իմանայի՛, կասեի թե՛ ... // Հայաստանի աշխատավորուի : [ամսագիր]. — 1924. — № 1. — էջ 34].

8. *Жизнь в ячеейках СВБ* // Анаствац (Безбожник) : [журнал]. — 1930. — № 12. — С. 16—17. (На арм. яз.) [Կյանքը ՄԱՄ բջիջներում // Անաստված : [ամսագիր]. — 1930. — № 12. — էջ 16—17].

9. *Замостьянов А.* Страна мечтателей, страна учёных ... / А. Замостьянов // Литературная газета : [газета]. — 2015. — № 22 (6511). — С. 9.

10. *Зорян С.* Пять дней в Лениакане / С. Зорян // Хорурдаин Айастан (Советская Армения) : [газета]. — 1924. — № 199. — С. 2—3. (На арм. яз.) [*Չորրյան Ս. Հինգ օր Լենինականում / Ս. Չորրյան // Խորհրդային Հայաստան : [թերթ]. — 1924. — № 199. — էջ 2—3].*

11. *Как нас кормят кооперативные столовые* // Авангард : [газета]. — 1929. — № 70. — С. 2. (На арм. яз.) [Ինչպես են մեզ կերակրում կոոպերատիվ ճաշարանները // Ավանգարդ : [թերթ]. — 1929. — № 70. — էջ 2].

12. *Л.* Недостатки сельской потребительской кооперации / Л. // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1928. — № 97. — С. 4. (На арм. яз.) [Լ. Գյուղի սպառողական կոոպերացիայի բացերից / Լ. // Բանվոր : [թերթ]. — 1928. — № 97. — էջ 4].

13. *Маари Г.* Звук тишины / Г. Маари. — Ереван : Айпетраг, 1962. — 574 с. (На арм. яз.) [*Մահարի Գ. Լռության ձայնը / Գ. Մահարի. — Երևան : Հայպետհրատ, 1962. — 574 էջ].*

14. *Маари Г.* Неличное / Г. Маари. — Ереван : Аполон, 2004. — 80 с. — ISBN 99930-5440-2. (На арм. яз.) [*Մահարի Գ. Անանձնական / Գ. Մահարի. — Երևան : Ապոլոն, 2004. — 80 էջ].*

15. *Маари Г.* Сибирское / Г. Маари. — Ереван : Издательство ЕГУ, 2009. — 848 с. — ISBN 578-5-8084-1145-6. (На арм. яз.) [*Մահարի Գ. Սիրիական / Գ. Մահարի. — Երևան : ԵՊՀ հրատ., 2009. — 848 էջ].*

16. *Маари Г.* Полное собрание сочинений / Г. Маари. — Ереван : Антарес, 2016. — Т. 7. — 496 с. — ISBN 978-9939-51-858-9. (На арм. яз.) [*Մահարի Գ. Երկերի լիակատար ժողովածու / Գ. Մահարի. — Երևան : Անտարես, 2016. — Հատոր 7. — 496 էջ].*

17. *Маари Г.* Полное собрание сочинений / Г. Маари. — Ереван : Антарес, 2016. — Т. 9. — 608 с. — ISBN 978-9939-51-865-7. (На арм. яз.) [*Մահարի Գ. Երկերի լիակատար ժողովածու / Գ. Մահարի. — Երևան : Անտարես, 2016. — Հատոր 9. — 608 էջ].*

18. *Мнацаканян А.* Нужно положить конец. Письмо со станции Санаин / А. Мнацаканян // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1924. — № 133. — С. 3. (На арм. яз.) [*Մնացականյան Ա. Պետք է վերջ տալ. նամակ Սանահին կայարանից / Ա. Մնացականյան // Բանվոր : [թերթ]. — 1924. — № 133. — էջ 3].*

19. *НАА — Национальный архив Армении.* Ф. 131 (Ленинканский городской-уездный исполнительный комитет депутатов рабочих, крестьян и красноармейцев ССРА). Оп. 3. Д. 687, 718; Ф. 133 (Ереванский городской-уездный исполнительный комитет депутатов рабочих, крестьян и красноармейцев ССРА). Оп. 1. Д. 2107.

20. *Налбандян Б.* Очистим наши ряды от пьяниц / Б. Налбандян // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1923. — № 50. — С. 4. (На арм. яз.) [*Նալբանդյան Բ. Հարբեցողներին մաքրենք մեր շարքերից / Բ. Նալբանդյան // Բանվոր : [թերթ]. — 1923. — № 50. — էջ 4].*

21. *Об открытии и закрытии торговых-промышленных предприятий в пределах города Лениакана* // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1924. — № 160. — С. 4. (На арм. яз.). [Լենինական քաղաքի սահմաններում գործող առևտրա-արդյունաբերական ձեռնարկների բացման ու փակման մասին // Բանվոր : [թերթ]. — 1924. — № 160. — էջ 4].
22. *Организуем общества по борьбе с пьянством* // Авангард : [газета]. — 1929. — № 5. — С. 4. (На арм. яз.). [Վազմակերպելնք հարբեցողության դեմ պայքարող ընկերություններ // Ավանգարդ : [թերթ]. — 1929. — № 5. — էջ 4].
23. *Пролетариат Ленинграда против пьянства* // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1928. — № 85. — С. 1. (На арм. яз.). [Լենինգրադի պրոլետարիատը հարբեցողության դեմ // Բանվոր : [թերթ]. — 1928. — № 85. — էջ 1].
24. *Радио X. Кровавый носовой платок (Из дневника молодого рабочего) / X. Радио* // Авангард : [газета]. — 1927. — № 70. — С. 3. (На арм. яз.). [Լուսին Խ. Արնոտ թաշկինակը (Երիտասարդ բանվորի օրագրից) / Խ. Ռադիո // Ավանգարդ : [թերթ]. — 1927. — № 70. — էջ 3].
25. *Сарян Г. Чужой человек / Г. Сарян* // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1928. — № 117. — С. 7. (На арм. яз.). [Մարյան Գ. Օտար մարդը / Գ. Մարյան // Բանվոր : [թերթ]. — 1928. — № 117. — էջ 7].
26. *Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР*. — 1925. — Отдел I. — № 57.
27. *Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ЗСФСР*. — 1928. — Отдел I. — № 2 ; 1930. — Отдел I. — № 6.
28. *Советская столовая* // Хорурдаин Айастан (Советская Армения) : [газета]. — 1924. — № 186. — С. 4. (На арм. яз.). [Խորհրդային ճաշարան // Խորհրդային Հայաստան : [թերթ]. — 1924. — № 186. — էջ 4].
29. *Сталин И. В.* Сочинения / И. Сталин. — Москва : Госполитиздат, 1949. — Т. 10. — 399 с.
30. *Статистик. Рост сельского населения Закавказья / Статистик* // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1927. — № 97. — С. 2. (На арм. яз.). [Վիճակագրող. Անդրկովկասի գյուղական ազգաբնակչության աճումը / Վիճակագրող // Բանվոր : [թերթ]. — 1927. — № 97. — էջ 2].
31. *Тотолян А.* На станции Санаин / А. Тотолян // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1924. — № 112. — С. 3. (На арм. яз.). [Թողթղյան Ա. Սանահին կայարանում / Ա. Թողթղյան // Բանվոր : [թերթ]. — 1924. — № 112. — էջ 3].
32. *Троцкий Л.* Водка, церковь и кинематограф / Л. Троцкий // Правда : [газета]. — 1923. — № 154. — С. 2.
33. *Укрепим молодежную секцию* // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1923. — № 73. — С. 4. (На арм. яз.). [Ուժեղացնելնք երիտասարդական սեկցիան Մեր զինուորը / Բանվոր : [թերթ]. — 1923. — № 73. — էջ 4].
34. *Что делают ячейки* // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1924. — № 124. — С. 4. (На арм. яз.). [Ինչ են անում բջիջները // Բանվոր : [թերթ]. — 1924. — № 124. — էջ 4].

Литература

1. *Андреевский Г. В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920—1930-е годы / Г. В. Андреевский. — Москва : Молодая гвардия, 2008. — 555 с. — ISBN 978-5-235-03123-4.
2. *Базеян К.* Александрополь : этнографические эскизы / К. Базеян, Г. Аганян // Археологические и историко-этнографические исследования Ширака 2. — Ереван—

Գոմրի : Издательство «Гитутюн» НАН РА, 2015. — С. 5—117. — ISBN 978-5-8080-1135-9. (На арм. яз.). [Բազմազան Վերստանդիաներ: Ազգագրական երթիկներ / Վ. Բազեյան, Գ. Աղաբաբյան // Շիրակի հնագիտական և պատմագրագրական ուսումնասիրություններ 2. — Երևան—Գյումրի : ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատ., 2015. — էջ 5—117].

3. *Бочаров А. А.* Маргинально-криминальные аспекты повседневной жизни Петрограда первой половины 1920-х годов в повести В. Каверина «Конец хазы» и связанном с ней фильме «Чертовое колесо» / А. А. Бочаров, И. В. Аладышкин // Клио. — 2025. — № 9. — С. 89—95. — DOI: 10.24412/2070-9773-2025-9225-89-95.

4. *Воскерчян П. Т.* Промышленность Советской Армении (1920—1940) / П. Т. Воскерчян. — Ереван : Айастан, 1966. — 184 с. (На арм. яз.). [Ուկերդյան Պ. Տ. Սովետական Հայաստանի արդյունաբերությունը (1920—1940) / Պ. Տ. Ոսկերչյան. — Երևան : Հայաստան, 1966. — 184 էջ].

5. *Гатауллина И. А.* Городская повседневность Среднего Поволжья в 1920-е гг. / И. А. Гатауллина // Известия Алтайского государственного университета. Серия История. — 2008. — № 4/3. — С. 52—61.

6. *Данихно С. Н.* Пьянство как социальная болезнь промышленных рабочих юго-востока России в период НЭПа / С. Н. Данихно // Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. Приложение. — 2006. — № 10. — С. 59—64.

7. *Ильин Ю. А.* Рядовой обыватель провинции эпохи НЭПа : негативные стороны повседневной жизни / Ю. А. Ильин // Вестник Ивановского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2012. — № 4. — С. 47—53.

8. *Казахецяц В. Н.* Армения в 1920—1940 гг. / В. Н. Казахецяц. — Ереван : Институт истории, 2006. — 564 с. — ISBN 99941-991-2-9. (На арм. яз.). [Ղազախեցյան Վ. Ն. Հայաստանը 1920—1940 թթ. / Վ. Ն. Ղազախեցյան. — Երևան : Պատմության ինստիտուտ, 2006. — 564 էջ].

9. *Камардин И. Н.* Пьянство среди рабочих Поволжья в период НЭПа / И. Н. Камардин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2011. — № 4 (20). — С. 26—33.

10. *Комплеева Л. Ю.* Культура потребления алкоголя в средневожской деревне в период НЭПа / Л. Ю. Комплеева // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. — 2012. — № 27. — С. 722—724.

11. *Котельников А. С.* Развитие частного предпринимательства в середине 1920-х гг. : особенности развития и причины крушения (на материалах Нижнего Поволжья) / А. С. Котельников // Каспийский регион : политика, экономика, культура. — 2016. — № 2 (47). — С. 26—32.

12. *Кравцова Л. П.* «Дайте народу пиво» : о советской рекламе алкогольного рынка (лингвокультурологический аспект) / Л. П. Кравцова // Медиалингвистика. — 2018. — Т. 5. — № 4. — С. 424—435. — DOI: 10.21638/spbu22.2018.403.

13. *Нагапетян Р.* Об этнокультурном характере армянского традиционного блюда / Р. Нагапетян // Историко-филологический журнал. — 2019. — № 2. — С. 175—199. (На арм. яз.). [Նահապետյան Ր. Հայոց ավանդական ուսեստի էթնոմշակութային բնութագրության շուրջ / Ր. Նահապետյան // Պատմա-բանասիրական հանդես. — 2019. — № 2. — էջ 175—199].

14. *Орбелян Г.* Развлекательные заведения старого и нового Еревана / Г. Орбелян // Ереван-5. Сборник научных статей. — Ереван : Музей истории города Еревана, 2018. — С. 102—122. (На арм. яз.). [Օրբելյան Գ. Հին ու նոր Երևանի ժամանցի վայրերը / Գ.

Օրբելյան // Երևան–5. Գիտական հոդվածների ժողովածու. — Երևան : Երևան քաղաքի պատմության թանգարան, 2018. — էջ 102–122].

15. Орлов И. Б. Советская повседневность : исторический и социологический аспекты становления / И. Б. Орлов. — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. — 317 с. — ISBN 978-5-7598-2959-1.

16. Панин С. Е. «Пьяная» преступность в России в 1920-е гг. / С. Е. Панин // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2009. — Т. 11. — № 2. — С. 121—126.

17. Петюкевич Т. В. «Губит людей не пиво...» : борьба с пьянством в БССР в период НЭПа (1921—1928) / Т. В. Петюкевич // Пичетовские чтения — 2024. История : наука, образование, память. — Минск : БГУ, 2024. — С. 376—381. — ISBN 978-985-881-715-2.

18. Сидорчук И. В. Пьянство в Советской России 1920-х гг. : совокупность причин главной социальной девиации эпохи / И. В. Сидорчук // История : факты и символы. — 2025. — № 1 (42). — С. 36—53. — DOI: 10.24888/2410-4205-2025-42-1-36-53.

19. Такала И. «За трезвый быт!» : Алкогольная политика советского государства в 1920-е годы / И. Такала // The NEP Era : Soviet Russia 1921—1928. — 2007. — № 1. — С. 55—88.

20. Шевченко И. А. Борьба за трезвость в России начала XX века : дискуссия вокруг слабо-алкогольных напитков / И. А. Шевченко, Л. И. Земцов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 517—532. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-517-532.

Статья поступила в редакцию 23.10.2025,
одобрена после рецензирования 11.01.2026,
подготовлена к публикации 09.04.2026.

Material resources

About the opening and closing of commercial and industrial enterprises within the city of Leninakan. (1924). *Banvor (Worker): [newspaper]*, 160: P. 4. (In Armen.).

Ankez, N. (1928). Club. *Banvor (Worker): [newspaper]*, 50: P. 3. (In Armen.).

Belorussky, Ya. (1925). Tuberculosis and methods of combating it. *Ashkhatank (Trud): [newspaper]*, 12—13: 8—20. (In Armen.).

Collection of laws and regulations of the Worker's and Peasant's Government of the USSR, 57. (1925). (In Russ.).

Collection of Laws and Regulations of the Worker's and Peasant's Government of the Soviet Socialist Republic, 2, 6. (1928, 1930). (In Russ.).

Demjian, G. (1924). A few words about the “Working corner” where beer is sold. *Banvor (Worker): [newspaper]*, 187: P. 3. (In Armen.).

Grigoryan, A. (1927). Krasny kvadrat. *Avangard: [newspaper]*, 3: P. 3. (In Armen.).

Hakobyan, A. (1929). Against alcoholism and religion. *Anastvac (The Godless): [magazine]*, 10: 7—9. (In Armen.).

How cooperative canteens feed us. (1929). *Avangard: [newspaper]*, 70: P. 2. (In Armen.).

If I could speak, I would say ... (1924). *Hayastani ashkhatavorui (Armenian Worker): [magazine]*, 1: P. 34. (In Armen.).

L. (1928). The disadvantages of rural consumer cooperation. *Banvor (Worker): [newspaper]*, 97: P. 4. (In Armen.).

Let's strengthen the youth section. (1923). *Banvor (Worker): [newspaper]*, 73: P. 4. (In Armen.).

- Life in the cells of the SVB. (1930). *Anastvats (Atheist): [journal]*, 12: 16—17. (In Armen.).
- Maari, G. (2016). *Complete works*, 7. Yerevan: Antares. 496 p. ISBN 978-9939-51-858-9. (In Armen.).
- Maari, G. (2016). *Complete works*, 9. Yerevan: Antares. 608 p. ISBN 978-9939-51-865-7. (In Armen.).
- Maari, G. (2004). *Non-personal*. Yerevan: Apolon. 80 p. ISBN 99930-54-40-2. (In Armen.).
- Maari, G. (1962). *The sound of silence*. Yerevan: Aypetrat. 574 p. (In Armen.).
- Maari, G. (2009). *Sibirskoe*. Yerevan: YSU Publishing House. 848 p. ISBN 578-5-8084-1145-6. (In Armen.).
- Mnatsakanyan, A. (1924). It is necessary to put an end. Letter from Sanahin station. *Banvor (Worker): [newspaper]*, 133: P. 3. (In Armen.).
- NAA — National Archives of Armenia. F. 131 (Leninkansky city-county Executive Committee of deputies of workers, peasants and Red Army soldiers of the SSR). Op. 3. 687, 718; F. 133 (Yerevan City-County Executive Committee of Deputies of Workers, Peasants and Red Army Soldiers of the SSR). Op. 1. 2107. (In Russ.).
- Nalbandian, B. (1923). Let's clear our ranks of drunkards. *Banvor (Worker): [newspaper]*, 50: P. 4. (In Armen.).
- Radio, X. (1927). The bloody handkerchief (From the diary of a young worker). *Avangard: [newspaper]*, 70: P. 3. (In Armen.).
- Saryan, G. (1928). A stranger. *Banvor (Worker): [newspaper]*, 117: P. 7. (In Armen.).
- Stalin, I. V. (1949). *Essays*, 10. Moscow: Gospolitizdat. 399 p. (In Russ.).
- Statistik. (1927). The growth of the rural population of Transcaucasia. *Banvor (Worker): [newspaper]*, 97: P. 2. (In Armen.).
- The Proletariat of Leningrad against drunkenness. (1928). *Banvor (Worker): [newspaper]*, 85: P. 1. (In Armen.).
- The Soviet canteen. (1924). *Khorordain Hayastan (Soviet Armenia): [newspaper]*, 186: P. 4. (In Armen.).
- Totolyan, A. (1924). At Sanahin station. *Banvor (Worker): [newspaper]*, 112: P. 3. (In Armen.).
- Trotsky, L. (1923). Vodka, church and cinema. *Pravda: [newspaper]*, 154: P. 2. (In Russ.).
- Vahe. (1928). The mandatory resolution does not apply. *Banvor (Worker): [newspaper]*, 81: P. 4. (In Armen.).
- We organize societies to combat drunkenness. (1929). *Avangard: [newspaper]*, 5: P. 4. (In Armen.).
- What cells do. (1924). *Banvor (Worker): [newspaper]*, 124: P. 4. (In Armen.).
- Zamostyanov, A. (2015). The land of dreamers, the land of scientists ... *Literaturnaya gazeta: [newspaper]*, 22 (6511): P. 9. (In Russ.).
- Zoryan, S. (1924). Five days in Leninakan. *Khorordain Hayastan (Soviet Armenia): [newspaper]*, 199: 2—3. (In Armen.).

References

- Andreevsky, G. V. (2008). *The daily life of Moscow in the Stalin era. The 1920s and 1930s*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. 555 p. ISBN 978-5-235-03123-4. (In Russ.).
- Bazeyan, K., Aganyan, G. (2015). Alexandrapol: ethnographic sketches. In: *Archaeological and historical-ethnographic studies of Shirak 2*. Yerevan—Gyumri: Gitutyun Publishing House of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. 5—117. ISBN 978-5-8080-1135-9. (In Armen.).

- Bocharov, A. A., Aladyshkin, I. V. (2025). Marginal and criminal aspects of everyday life in Petrograd in the first half of the 1920s in V. Kaverin's novella "The End of the Kha-za" and the related film "The Ferris Wheel". *Klio*, 9: 89—95. DOI: 10.24412/2070-9773-2025-9225-89-95. (In Russ.).
- Compleeva, L. Y. (2012). Culture of alcohol consumption in the Middle Volga countryside during the NEP period. *Proceedings of the Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky*, 27: 722—724. (In Russ.).
- Danikhno, S. N. (2006). Drunkenness as a social disease of industrial workers of the South-east of Russia during the NEP period. *Izvestiya vuzov. The North Caucasus region. Social sciences. Application*, 10: 59—64. (In Russ.).
- Gataullina, I. A. (2008). Urban everyday life of the Middle Volga region in the 1920s. *Proceedings of the Altai State University. A series of Stories*, 4/3: 52—61. (In Russ.).
- Ilyin, Yu. A. (2012). Ordinary man in the province of the NEP era: the negative aspects of everyday life. *Bulletin of the Ivanovo State University. Humanities*, 4: 47—53. (In Russ.).
- Kamardin, I. N. (2011). Drunkenness among the workers of the Volga region during the NEP period. News of higher educational institutions. *The Volga region. Humanities*, 4 (20): 26—33. (In Russ.).
- Kazakhetsyan, V. N. (2006). *Armenia in 1920—1940*. Yerevan: Institute of History. 564 p. ISBN 99941-991-2-9. (In Armen.).
- Kotelnikov, A. S. (2016). The development of private entrepreneurship in the mid-1920s: features of development and causes of collapse (based on materials from the Lower Volga region). *The Caspian region: politics, economics, culture*, 2 (47): 26—32. (In Russ.).
- Kravtsova, L. P. (2018). "Give the people beer": on Soviet alcohol market advertising (linguistic and cultural aspect). *Media linguistics*, 5 (4): 424—435. DOI: 10.21638/spbu22.2018.403. (In Russ.).
- Nagapetyan, R. (2019). About the ethno-cultural character of the Armenian traditional dish. *Historical and Philological Journal*, 2: 175—199. (In Armen.).
- Orbelian, G. (2018). Entertainment establishments of old and new Yerevan. In: *Yerevan—5. Collection of scientific articles*. Yerevan: Museum of the History of the City of Yerevan. 102—122. (In Armen.).
- Orlov, I. B. (2024). *Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 317 p. ISBN 978-5-7598-2959-1. (In Russ.).
- Panin, S. E. (2009). "Drunken" crime in Russia in the 1920s. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 11 (2): 121—126. (In Russ.).
- Petyukevich, T. V. (2024). "It's not beer that destroys people...": the fight against drunkenness in the BSSR during the NEP period (1921—1928). In: *Pichet Readings — 2024. History: science, education, memory*. Minsk: BSU. 376—381. ISBN 978-985-881-715-2. (In Russ.).
- Shevchenko, I. A., Zemtsov, L. I. (2023). Fight for Sobriety in Russia at Beginning of 20th Century: Discussion on Low-Alcohol Beverages. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 517—532. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-9-517-532>. (In Russ.).
- Sidorchuk, I. V. (2025). Drunkenness in Soviet Russia in the 1920s: the totality of the causes of the main social deviation of the era. *History: facts and symbols*, 1 (42): 36—53. DOI: 10.24888/2410-4205-2025-42-1-36-53. (In Russ.).

Takala, I. (2007). “For a sober life!”: Alcohol policy of the Soviet state in the 1920s. The NEP Era: Soviet Russia 1921—1928, 1: 55—88. (In Russ.).

Voskerchyan, P. T. (1966). *Industry of Soviet Armenia (1920—1940)*. Yerevan: Hayastan. 184 p. (In Armen.).

*The article was submitted 23.10.2025;
approved after reviewing 11.01.2026;
accepted for publication 09.04.2026.*